

Специалистам, знакомым с прежними работами В. М. Павлова (наиболее крупные из них — [1—3]), в которых исследуются те же в основном, вопросы, что и обозначенные в названии рецензируемой книги, наверняка запомнилась авторская манера изложения. В ней, как правило, отсутствует навязчивая «прескрипционность», а ее место занимает принципиальная аргументация. Понимание того, как «возникает и укрепляется иллюзия, при которой знание языка и сам язык оказываются „слиященными“ воедино» (с. 8), заставляет автора с самого начала «договориться о терминах». Но делает он это отнюдь не мелком, как нередко еще бывает, и не в оправдание априорно намеченной схемы. Остановимся на основных положениях работы.

Прежде всего — исходная исследовательская позиция (словами автора): «Лингвистика... как научное целое..., независимо от своих отдельных специфически формальных ответвлений..., всегда остается „глубинно“, с точки зрения своих действительных исходных предпосылок, и личностной, и психологически ориентированной, придерживается понимания объективности языковых значений как объективности фактов „языкового сознания“ говорящих индивидов... Афористически заостряя это положение, можно сказать, что лингвистика не может не быть психолингвистикой (то, что она далеко не всегда выступает в этом качестве в своей рефлексии на себя, ничего не меняет)» (с. 11; рядка наша. — Г. И.). Называя имена крупнейших лингвистов — от В. Гумбольдта до Л. В. Щербы, — автор считает заслугой их и направлений, ими созданных, идею, согласно которой нельзя отделять «язык от говорящих на нем индивидов» (там же). А поскольку сам автор активно и убедительно выступал против неогумбольдтизма в виде «теории лингвистической относительности» (но отнюдь не против явлений лингвистической относительности, в языке [4]), то его протест против «отчуждения» языка и его носителя разрешается положительно. Это находит отражение в том, что: а) «без понятия воспроизводимости языковых образований лингвисту не обойтись; свойство их воспроизводимости логически ведет к „хранилищу“ воспроизводимого..., то есть к памяти человека (соответственно и коллектива людей)» (с. 13); б) система лексических значений любого языка «задает» языку в конечном счете извне его, из области его надсистемы — человеческой деятельности и человека как ее субъекта и одновременно „носителя“ язы-

ка, с его потребностями, способами их удовлетворения, вообще с его сущностными свойствами — совокупностью всех общественных отношений... Лексическая функция конституируется на основе означаемого — и в этом отношении она „задает“ языку действительно „извне“...» (с. 22). При этом автор никак не забывает и «давления» самой языковой системы, подчеркивая, однако, основное, что на деле столь часто забывается; орудийность самого языка, функционирующего ради потребностей в коммуникации, накрепко вплетенной в то, что принято называть «экстралингвистикой»; в) «языковая память» хранит признаки конструкций (воспроизводимых регулярно или окказионально в речи. — Г. И.) — наверняка не в форме их „метаязыковых описаний“, — поручкой их действительное воспроизведение, в том числе в речи людей, не знакомых ни с какими „метаязыковыми описаниями“» (с. 23). Можно было бы добавить, что практическое изучение первого (родного) или иностранного (второго) языков в плане владения ими просто невозможно, если опираться на самые, казалось бы, серьезные и «обоснованные» метаязыковые описания; г) «любое языковое средство, применяемое в речи, применяется в ней не как нечто абсолютно тождественное самому себе, „заранее готовое“..., а в порядке повторных преобразований определенной „матрицы“-стереотипа (ячейки языковой функциональной системы) в процесс ее собственного воспроизведения; „повторяя себя“ в процессе своего воспроизведения, такая кодовая „матрица“ в противоположность, например, образу типографского набора или штампа в машине, не утрачивает способности к адаптивным видоизменениям, постепенным и, как правило, не нарушающим в процессе эволюции ее тождества самой себе» (с. 9). Здесь, обращаясь к широкому контексту книги, следует добавить, что В. М. Павлов объясняет, собственно говоря, механизм любых эволюционных языковых изменений, при которых традиция сохраняется вначале огромное большинство функционирующих единиц в их парадигматической и синтагматической «неприкосновенности», но и — в то же самое время — наполняет их вариативными, все новыми и новыми смысловыми и иными потенциями. При этом не забывается, что указанная традиция — как и потребности в изменениях — есть продукт индивидуальной и коллективной коммуникативной активности носителей языка, их «языковой компетенции». В связи с этим автор не раз вспоминает концепции

Г. Пауля; д) противоречивость тенденций к «сохранению» и к «изменению», реальная коллективность функционирования языка в речи на протяжении колоссальных временных промежутков, разнообразнейшие социолингвистические факторы, а также особенности психологии личности и группы заставляют автора вспомнить слова М. Матезиуса о том, что «при анализе языка чрезмерно логичные и вследствие этого излишне упрощенные построения всегда будут неудовлетворительными» (с. 145). Добавим еще: неполными, а поэтому и недостоверными; е) известной формуле — «предложение есть система, элементами которой являются слова» — автор противопоставляет свою формулу: «предложение есть система, элементами которой являются лексемы, вовлекаемые в процессе формирования предложения и получающие в ходе его формирования конкретно-языковое грамматическое оформление, соответствующее коммуникативной задаче высказывания, осуществляемого посредством данного предложения» (с. 89; разрядка наша.— Г. И.). Эта формула принципиально отлична от обычно применяемой, ибо она указывает на процессуальность, на роль говорящего в процессе коммуникации. Именно говорящий ставит коммуникативную задачу и подчиняет ей любые языковые средства; следовательно, он реализует все и всяческие адаптивные потенции — лексемы, лексемного сочетания, предложения в целом. Можно и должно говорить о том, что коллектив носителей создает сами эти адаптивные потенции, а не использует лишь уже «данные» и «испытанные»; ж) ясно, что процессуальность языка (живого, в речи) заставляет В. М. Павлова особенно внимательно исследовать всевозможные «нерегулярности», «переходные случаи», «промежуточные состояния». Именно поэтому автор солидаризируется с позицией П. Я. Скорика, который характеризует «инкорпоративные комплексы как образования промежуточные, объединяющие в себе свойства сложного слова и (синтаксического) словосочетания» (с. 130). По этой же причине он рассматривает самые разнообразные случаи (на материале разных языков), не укладывающиеся в строгое «или — или», настаивает на закономерности широкого распространения «индивидуально-речевых ситуативных образований» (по известным моделям) (с. 252) и доказывает, что так называемые «авторские неологизмы» в сфере словообразования (композицы) на деле, как правило, стилистически неспецифичны, лишены приписываемой им экспрессивности (с. 179—200 и др.). Здесь можно было бы добавить,

что по нашим собственным наблюдениям, дети, для которых немецкий язык является родным, разумеется, без интенций стилистического порядка используют собственные единицы типа *Puppennarr* «рука от куклы», *Nasenbürste* «щетка (волосы) в нос», *Spuckenerbse* «горошина для выдувания („плевание“) из трубки». При этом любая инновация охотно подхватывается и используется окружением, после чего, не получая дальнейшего подкрепления, видимо, забывается, но сам механизм довольно произвольного («свободного») словосложения явно продолжает действовать и потом, в зрелом онтогенезе. В прессе же, особенно в информативных жанрах, а также в публицистике и собственно художественно-литературных текстах (это показал и В. М. Павлов) «композицы-неологизмы» всякого рода возникают на каждом шагу.

Не совсем ясно, почему В. М. Павлов не использует речевые (и весьма распространенные в профессиональной среде) словообразовательные единицы русского языка, когда рассматривает немецкие и французские, узбекские и английские. Вероятно, *БА Мстрой*, *ХБ-издания*, *р-ит-м*, *ли-квадратные выражения*, *ком-привет* и др. могли бы дополнить иллюстративный материал и выявить некоторые универсалии в неблизко-родственных языках. Полагаем также, что ошибки учащихся разных классов и ошибки тех, для кого русский язык является неродным (в СССР) или иностранным, выявляющиеся в случаях ненормативно-слитного написания, могли бы дать в будущем интересный материал для выяснения условий превращения словосочетания в сложное слово. Во всяком случае, такого рода ошибки наблюдаются в большинстве случаев именно там, где соседние лексемы встречаются рядом и именно в таких (атрибутивных и субстантивных) сочетаниях, о которых пишет В. М. Павлов (с. 114—141 и др.).

Есть в основательной работе В. М. Павлова и некоторые неясности, и спорные положения, из которых отметим следующие. На с. 105—106, иллюстрируется правило «изафета» (т. е. постпозитивного определения) с «чистой» основой (автор дает пример узб. *суз бети* «водная поверхность»). Но «чистая» основа не *суз*, а *су*. Ср. также *суз* на с. 108. На с. 25 автор пишет о принципиальной немотивированности именно одиночного лексического знака, «природа которого не имеет ничего общего с „природой“ обозначаемого им предмета». Правда, дополнительно (в скобках) тут же уточняется: «отсутствие не о б о х о д и м о й связи между ними». Не вступая здесь в дискуссию с позиций достаточно успешно развивающейся фоносемантики, отметим все же, что при-

существование необходимой связи между двумя отмеченными «приодами» в определенных сферах лексики доказывается и с помощью немецких примеров, помещенных автором в книгу на с. 198—222 (с иными, разумеется, целями): *pfeif-* (*pfiff-*), *glatt-*, *schrei-*, *spring-*, *blick-*, *brüll-*, *peitsch-*, *klatsch-*, *klopf-* (*klopp-*), *glanz-*, *fleck-*, *strom-*, *dünn-*, *plötz-*, *platz-*, *spitz-*, *treff-* и др. (для краткости даны только основы). Каждая из приведенных основ здесь либо звукоподражание (имитатив), либо звукообраз.

Чтение книги В. М. Павлова заставляет всерьез задуматься и над общими вопросами языковедения, и над частностями германистики. Рецензируемая книга — несомненная творческая удача автора.

Горелов Н. Н.

1. Павлов В. М. Развитие определительного сложного существительного в немецком языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1958. Т. 190. Ч. 2.
2. Pavlov V. M. Die substantivische Zusammensetzung im Deutschen als syntaktisches Problem. München, 1972.
3. Pavlov V. M. Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache im Bereich der Wortbildung (1470—1730: Von der Wortgruppe zur substantivischen Zusammensetzung. Berlin, 1983.
4. Павлов В. М. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языковедении // Язык и мышление. М., 1967. С. 152—161.

Русский язык в Белоруссии / Под ред. Михневича А. Е. Минск: Наука и техника, 1985. 272 с.

Многоплановый характер изучения русского языка как средства межнационального общения определяется расширением его общественной значимости в разных национальных республиках, особенностями функционирования русского языка на всей территории нашей страны, сферами его распространения и использования как средства межнационального общения [1].

Огромная социальная значимость русского языка как средства межнационального общения выдвигает на современном этапе общественного развития в число первоочередных задач советского языковедения проблему всестороннего описания и изучения процессов функционирования русского языка на территории союзных республик в условиях национально-русского двуязычия. Свою ярко выраженную специфику имеет характер функционирования русского языка в близкородственном языковом окружении в Украинской и Белорусской ССР. Украинские и белорусские языковеды ведут активную работу, в том числе и совместную, по исследованию различных аспектов данной проблемы (см. [2, 3]). Среди работ белорусских исследователей видное место занимает и рецензируемая нами коллективная монография, в которой освещаются такие актуальные экстра- и интралингвистические проблемы, как языковая ситуация в БССР, фонетические особенности русской речи белорусов, языковая специфика русскоязычной художественной литературы, культура русской речи в республике, а также состояние и пер-

спективы изучения русского языка в Белоруссии.

Основным методологическим принципом исследования языковых фактов в книге является социально-политическая оценка реально существующей языковой ситуации, базирующейся на динамической интерпретации современного общественного развития в стране в целом.

В разделе «Русский язык в национальной республике» рассмотрены основные аспекты проблемы. Здесь, правда, в весьма общих чертах, обосновывается исторический аспект белорусско-русского двуязычия и белорусско-русских языковых контактов, позволяющий раскрыть предпосылки и пути формирования современной языковой ситуации в республике, интерпретируются примененные в работе социолингвистические и описательно-лингвистические методы анализа, дается общая характеристика демографической и языковой ситуации в БССР.

Раздел «Языковая ситуация в сельской местности» содержит социолингвистическое описание языковой ситуации в исследованных путем анкетирования с использованием единой анкеты шести населенных пунктах — по одному из всех шести областей БССР. Очерки снабжены сведениями исторического, этнографического и социолингвистического характера, а также транскрипционными записями русской речи. Вместе с тем сам по себе положительный факт включения данного раздела в книгу из-за отсутствия в ней соответствующего раздела, посвященного языковой ситуации в условиях городской